

Александр Александрович Фурсенко и центр «Интеллект», 1992—1996 гг.

Александр Александрович Фурсенко постоянно заботился о будущем российской науки и будущем российского бизнеса. Подготовка кадров молодого пополнения научной и бизнес-элиты всегда была в поле его внимания, и классическую гимназию мы обычно вспоминаем как самое весомое и самое успешное проявление такого внимания. Но иногда, наверное, стоит вспомнить и о других попытках, которые не были столь успешными, но свое место в нашей недавней истории и в биографии А.А. тоже должны занять. Хочу поделиться своими воспоминаниями о Центре поиска и поддержки талантов «Интеллект», который существовал с 1992 по 1996 г. Сейчас существует структура под таким же названием и с похожей целью, но у этой структуры другие учредители, прежде всего СПбГУ. К ней А.А. отношения не имел. Я буду вспоминать про «первый» «Интеллект».

Весной 1992 г. А.А. предложил мне и Владимиру Витальевичу Носкову поучаствовать в проекте работы с талантливыми детьми. У В. В. Носкова было тогда много других забот, а я согласился и течение трех лет из тех четырех, когда существовал Центр, в том или ином качестве там работал. Организаторами этого Центра была супружка Тарановы — Юрий Анатольевич и Любовь Борисовна. Моя первая встреча с ними состоялась 15 июня 1992 г. в саду на территории университета. Любовь Борисовна Таранова — в этой паре главным человеком была именно она (и по факту, и формально она была директором этого Центра) — описала мне проблему, к решению которой они хотели приложить силы. Из дальнейших моих разговоров с А.А. стало понятно, что видение проблемы было у них общим. Заключалась это видение в следующем. Вспомните 1992 год. Почти непрерывный политический кризис, высокая инфляция, очень много бедствующих людей. Среди тех, кто оканчивал тогда школу, было немало талантливых людей из семей, которые были небогаты. Учителя, научные сотрудники, инженеры — все это были люди, у которых лишних денег никогда не водилось. Были проблемы с поступлением их детей, даже талантливых, в вузы. Процветал блат, и им было не пробиться через него. «Интеллект» должен был стать той структурой, которая помогла бы им пробиться. Учредители «Интеллекта» через социальную рекламу предлагали родителям приводить школьников, которые осенью 1992 г. шли либо в 10-й, либо в 11-й класс, на бесплатное тестирование. По результатам этого тестирования отбирали самых талантливых и с ними проводили занятия. Первоначально никакой платы не предполагалось, — и более того, если на занятиях эти школьники оказывались старательными и подавали большие надежды, то некоторым из них назначалась стипендия. Занятия с ними должны были проводить преподаватели из университета и Академии наук. Помимо регулярных занятий, раз в полгода проводились конференции, где они представляли свои доклады, и проводились зимние и летние школы. Школы проходили в Петергофе, на базе университетского городка. Предполагалось, что на конференциях и при проведении этих школ преподаватели и люди из университета будут присматриваться к этим детям, и кто им приглянется, тем облегчат поступление, оттеснив денежных, но бесталанных абитуриентов.

В американской истории XX в., которой занимался А. А., подобная проблема тоже была – в 1960-е годы. Для разрешения её президент Линдон Джонсон в 1964 г. провёл

через Конгресс знаменитую программу «Великого общества». «Интеллект», при всей разнице в масштабе, призван был решить те же задачи. Роль А.А. заключалась, во-первых, в том, что ему принадлежал сам замысел, и Тарантовых он пригласил как управляющих-менеджеров. Он уговаривал видных гуманитариев — академика А. М. Панченко, профессора Б. В. Аверина — поработать со школьниками. Тарантов в основном приглашал талантливых преподавателей химии, физики, математики, естественнонаучных дисциплин. Александр Александрович регулярно бывал на конференциях, знакомился с отдельными школьниками и по нашей рекомендации читал некоторые рефераты. Для участия в летней и зимней школе мне нужно было пропускать присутственные дни, и он меня всегда отпускал. Правда, и я не забывал напомнить ему, что это он предложил мне участвовать в этом проекте.

В таком идеальном виде, который соответствовал описанному замыслу, «Интеллект», по моим наблюдениям, проработал один учебный год: 1992 / 1993. Эту работу я вспоминаю с удовольствием. Хотя и тогда были эпизоды, которые оставили или недоумение в душе, или даже какой-то негативный след. В частности, в одном из первых лекционных курсов (который был прослушан школьниками в помещении Бестужевских курсов в сентябре-октябре 1992 г.), был маленький цикл, который прочел акад. А.М.Панченко. В ту осень академик был в депрессивном настроении, и в его лекциях постоянно звучали хлесткие оценки. Приведу один пример. У него была лекция, посвященная русскому самозванчеству. Он облыжно назвал самозванцами всех, кто пользовался псевдонимами. В этой связи от него досталось всем Гайдарам, которые на самом деле Голиковы. Цитата, за которую отвечает только акад. Панченко: «Они родом из Арзамаса, а это захолустье и, значит, самая что ни на есть кислая дрянь». И немало другого в таком же духе. Гораздо интереснее и содержательнее были лекции Б.В.Аверина. Когда был проведён опрос выпускников «Интеллекта», чьи лекции они ценили высоко, а чьи низко (эти данные обрабатывались и нам их сообщали), на самой верхней позиции был именно Б. В. Аверин, я обретался в середине этого списка, а в самом низу был акад. Панченко. Бывая на лекциях Александра Михайловича, я обратил внимание, что ему ни один из школьников не задавал ни одного вопроса. То есть, его лекции прослушали как какое-то недоразумение, хотя с некоторым интересом и оживлённо реагируя, но вопросов не задавали. На лекциях Б. В. Аверина, да и на моих, звучало много вопросов. Борис Валентинович был этим всегда доволен, потому что вопросы были умные.

Как очень яркое событие вспоминается выпускная конференция 13 мая 1993 г. в Менделеевском центре университета, и особенно летняя школа в Петергофе с 30 июня по 7 июля 1993 г. У школьников было свое удовольствие: когда умные ребята собираются вместе, возникает какое-то новое качество общения, Но и нам, преподавателям, это было интересно и приятно. Когда мы видели, как школьники справляются с довольно сложными математическими заданиями, хотелось вспомнить свою школьную подготовку, залатать какие-то пробелы. Я, например, вспомнил, что такое комплексные числа. Хотя, если посмотреть на чисто поверхностную сторону этого общения, может быть, на первом месте был определенный культурный шок. То, что физик или биолог с высокой трибуны может сказать совершенно спокойно, историки могли воспринимать как нечто странное или даже эпатажное. Особенно сильное впечатление лично на меня производили доклады девочек, которые специализировались по биологии. Они преспокойно сообщали о своих

удачных генетических опытах: «Эту клетку мне удалось убить», а о неудачных — «к сожалению, опухоль не возникла». Зимняя и летняя школы создавали определенную среду, — в Петергофе мы жили на некотором отшибе от суеты большого города.

К сожалению, все это длилось только один год. На весну 1993 года пришёлся расцвет деятельности «Интеллекта». Осенью 1993 г. стало видно, что у родителей появилась установка на натаскивание выпускников строго по предметам специализации того вуза, куда школьник собирался сдавать вступительные экзамены. В «Интеллекте» не было жесткой связи между тем, чем дети занимались в «Интеллекте», и тем, куда они поступали. Те дети, которые очень хорошо себя показывали, например, на секции биологии, легко поступали и на исторический, и на физмат. Причём поступали практически все. Свою благодарность «Интеллекту» они потом высказывали. Но родителей выпускников следующего возраста это не убеждало. Одновременно стало иссякать финансирование. В 1993 / 1994 г. уже не было денег ни на летнюю, ни на зимнюю школы. В газете «Смена» от 25 марта 1994 г. появилась информация, что Петербургский центр поиска и поддержки талантов наконец обрел свое помещение: Васильевский остров, 3-я линия, 46. Это было помещение муниципальной библиотеки, которая переехала в другое место. По поводу этой публикации у меня сразу появилась «вторая мысль». Вспомнились законы Паркинсона. Один из них гласит, что всякое учреждение работает хорошо, пока сосредоточено на своих задачах и пока не очень озабочено своим помещением. Паркинсон приводит в пример монументальный комплекс Лиги Наций в Женеве, который был достроен как раз к тому моменту, когда Лига Наций перестала существовать. Я опасался, что произойдет нечто похожее. К сожалению, так оно и получилось. Уже весной 1994 г. преподаватели стали заявлять, что к нам посылают для подготовки «не тех» детей.

Руководители центра в конце концов признали этот факт и решили пересмотреть сам замысел. Л. Б. Тарантова заявила: мы должны детей «под свою программу» готовить сами. Для этого в полученном помещении решили открыть платную школу. Там был всего один класс, 8 или 9 человек: 8-й класс в 1994/95 г., а 9-й — в 1995/96 г., в последний год существования центра. Осенью 1994 г. большинство групп иссякли: одни школьники их покинули, а от других избавились сами преподаватели. Как сказал мне психолог, который ведал отбором: «Раньше отбирали лучших из тех, кто набирал баллы по тестам, теперь набираем мало-мальски годных, лишь бы они готовы были платить». Плата была, правда, небольшой, но, тем не менее, это уже создало новую и качественно худшую атмосферу.

Я преподавал в этой школе один год: 1994/95. Я читал общий курс истории России до 1800 года. Но с платным образованием получилось то, что очень часто происходит в России, когда инициаторы каких-нибудь реформ путают Россию с Америкой. В Америке, если кто-то заплатил за обучение, то уж он позаботится, чтобы его деньги не пропадали, и приложит сам все усилия, чтобы освоить науку. В России же тот, кто платит за своё образование, рассуждает иначе: я заплатил, и я ещё буду напрягаться?! Сделайте мне интересно! Первые же проверки показали, что уровень успеваемости в платной школе не выше, а ниже, чем в государственных. В моих глазах работа в школе при «Интеллекте» утратила как привлекательность, так и смысл. И летом 1995 г. по обоюдному согласию с Тарантовыми я этот проект покинул.

В 1995/1996 г. от всего проекта осталась лишь одна школа, а историю там стал преподавать Густав Александрович Богуславский. Я никогда не считал себя педагогом, — для Г. А. Богуславского педагогика была первым делом. Я — специалист по новой истории Запада, он — по истории России. Но в школе мы с ним словно поменялись своими амплуа. Я преподавал историю России, он — новую историю. Мне рассказывали, что он прилагал неимоверные усилия, чтобы заинтересовать учеников историей, очаровать их уроками-лекциями, и почти не ставил оценок, — тогда как я, как только понял, с кем имею дело, стал «заваливать» их заданиями и, бывало, ставил каждому по две-три оценки за урок. Но результаты у меня и у него были примерно одинаковые — плачевные. Наконец весной 1996 г. поднятие арендной платы сделало школу непосильной для организаторов, и хотя они обращались к Александру Александровичу с просьбой поддержать проект на плаву, но то ли у его не было возможностей, то ли он, зная о ситуации, в том числе с моих слов, не имел такого желания. Летом 1996 г. проект «Интеллект» был окончательно закрыт.

Единственному «звёздному» выпуску «Интеллекта» в 2014 г. исполнился 21 год. Уже можно проследить если не судьбу, то карьеру некоторых выпускников. Я мало имел дела с теми, кто специализировался по естественным и точным наукам. Сведения, которые мне удалось собрать, относятся только к гуманитариям.

Васильев Арсений Владимирович в 2010 г. стал генеральным директором группы компаний «УНИСТО Петросталь».

Лушников Алан Валерьевич в июле 2006 г. стал заместителем руководителя Федерального агентства железнодорожного транспорта, затем был помощником Министра транспорта РФ Игоря Левитина, а сейчас он — помощник вице-премьера Аркадия Дворковича. В 2012 г. ему присвоено звание почётного железнодорожника. Мне трудно представить Алана в качестве большого начальника. Но я очень хорошо помню, как картинно он рассказывал на одном из занятий в «Интеллекте» о пирате Хайреддине Барбароссе. А его цветастый шарф фантастической длины, вероятно, с улыбкой вспомнят и те «интеллектовцы», кто не помнит по имени самого Алана.

Марголин Григорий Михайлович несколько лет был пресс-секретарём администрации Выборгского района Санкт-Петербурга, сейчас он — начальник управления Избирательной комиссии Санкт-Петербурга.

Парфентьев Павел Александрович выбрал очень своеобразную профессию. Перечень его должностей я взял с его сайта: он — генеральный директор Аналитического центра «Семейная политика РФ», председатель Межрегиональной общественной организации «За права семьи», общественный эксперт в области фамилистических аспектов законодательства и семейной политики. Член Оргкомитета Всемирной Конференции по домашнему образованию — 2012 (та конференция проходила в Германии). Советник Всемирного Конгресса Семей по международному праву, по правам человека и по российскому конституционному, гражданскому и семейному праву. Павел не учился в старших классах школы, а сдавал экзамены экстерном. Это обстоятельство, которому мы тогда не придавали большого значения, в его случае оказалось решающим для выбора жизненной стези. Специализировался он по религиоведению, при этом сам, пройдя через увлечение кришнаизмом, в конце концов стал католиком восточного обряда;

на Украине таких называют униатами. В Римско-Католической Церкви процедура канонизации святых — беатификации — чрезвычайно сложна, и Павел Александрович Парфентьев в этом процессе — человек не последний, а именно: «Вице-постулятор процесса беатификации российских католических мучеников XX столетия». Он участвовал также в создании Толкиновского Общества Санкт-Петербурга.

Я замечая, что борьба с попытками введения так называемой ювенальной юстиции, с юридическими новшествами, заимствованными главным образом из Скандинавии и разрушительными для традиционной семьи, в последние годы заметно повысила востребованность всего того, что делает П. А. Парфентьев. 12 апреля 2013 г. он обсудил проблемы российской семьи в прямом эфире с протоиереем Дмитрием Смирновым¹. Эта беседа есть в Интернете: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/cerkov-18733/>. Дмитрий Николаевич Смирнов отвечал тогда в РПЦ за работу с силовиками. Как почти любой православный, он не питает симпатий к униатам. И уж никак Дмитрий Смирнов не привык выслушивать поучения от младших по возрасту и статусу. Однако компетентность Парфентьева в юриспруденции в сочетании с его жёстко консервативной христианской позицией заставила даже протоиерея Дмитрия Смирнова вести беседу с Парфентьевым в тоне подчёркнуто мирном и заинтересованном; вероисповедные различия в той беседе не проявились вообще никак.

Три дня спустя одна из слушательниц — Евгения Исакова — прочитав текст беседы, написала: «Спасибо за беседу, очень приятно видеть таких благообразных молодых людей. И где только отец Дмитрий их находит?»

Мы можем ответить на этот вопрос: в «Интеллекте»! Работа этого образовательного центра, к созданию которого академик Фурсенко имел самое прямое отношение, принесла ощутимые плоды даже по результатам единственного года полноценной работы.

¹См.: <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/cerkov-18733/>